

О РЕАЛЬНЫХ И ВООБРАЖАЕМЫХ ЖЕНСКИХ ТЕЛАХ: ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ТЕЛА И ГЕНДЕРА

В статье ставится вопрос о значимости телесности и телесных практик в конструировании социального представления о женщине, анализируется проблема соотношения тела, пола и гендера, приводится обзор критики характерного для ранней феминистской и гендерной теории отождествления пола с телесностью. Рассматриваются основания для постулирования неудовлетворительности бинарной классификации полов. Переформулируется социально-конструктивистская концепция К. Уэст и Д. Циммерман с учетом телесного измерения. Делается вывод о необходимости различения трех инстанций: телесности, пола как результата категоризации тела и гендера как поведенческого коррелята категории пола. Данный подход рассматривается как ресурс для интерпретации телесных практик в качестве способов вписывания гендера в тело в условиях современной гендерной напряженности.

Ключевые слова: женская телесность, пол, гендерная напряженность, социология тела, теория гендера.

Вопрос о том, какими смыслами наделяется категория «женщина», каким образом производится знание о женском, фемининном, а также какие агенты участвуют в этом производстве, является актуальным с момента становления академического феминизма и гендерной теории до сих пор. Множество теоретических традиций, а также не утихающие дискуссии по данному вопросу свидетельствуют, с одной стороны, о значимости данной проблематики, а с другой, о ее неоднозначности.

Что же делает женщину женщиной? Дискуссия на данную тему, как и специализированные тесты на половую принадлежность, не часто становятся достоянием общественности, однако за последние несколько лет широкий резонанс получили случаи гермафродитизма и «сбоев» в определении пола участников международных спортивных состязаний, где проблема отнесения человека к одной из категорий бинарной классификации полов проявилась особенно остро. Согласно некоторым авторам, тестирование на половую принадлежность в спорте проводилось с незапамятных времен. Так, некоторым прообразом теста было

требование выступать на первых Олимпийских играх в обнаженном виде, чтобы не допустить к соревнованиям женщин (Wackwitz 2003: 553). Как только женщины были допущены для участия в современных Олимпийских играх, назначением тестов стало исключение возможной подмены участницы на участника (что само по себе — проявление эссенциалистских допущений о приоритете мужской силы и выносливости над женской), в то время как способом проверки был утвержден гинекологический осмотр участниц (Vannini, Fornssler 2011: 245). Лишь в 1967 г. осмотр был заменен на тестирование набора хромосом посредством мазка соскоба щеки, который через два десятилетия был подвергнут критике за нечувствительность к атипичным хромосомным наборам и расстройствам людей, принадлежность которых к женскому полу на основании других характеристик «не вызывает сомнений» (Ibid: 245), что привело к утверждению «комплексных обследований», которые в настоящий момент проводятся по запросу спортивных ассоциаций и комитетов. При этом на протяжении истории не раз были выявлены случаи несоответствия участниц спортивных соревнований представлению о женщине ввиду «атипичного» набора хромосом, строения эндокринной системы, реже, ввиду наличия обоих половых органов. Иногда эти открытия становились абсолютной неожиданностью для самих участниц, и им приходилось доказывать обратное — что они все-таки женщины. В подобных ситуациях в разное время находились такие спортсменки, как Ева Клобуковска, Мария Патино, Санти Сундаражан, Кастер Семеня и др.

Так, относительно недавний случай Кастер Семеня продемонстрировал, как несоответствие внешности общепринятым стандартам феминности вкупе с таким выдающимся спортивным достижением, как победа на чемпионате мира по легкой атлетике с высокими показателями (на 2 секунды отстающими от мирового рекорда на момент соревнования), могут стать основанием для проверки принадлежности к женскому полу. Как отмечают исследователи данного случая, сразу же после победы Семеня на дистанции в 800 метров в 2009 г. в СМИ стали появляться комментарии как других участниц соревнований, так и зрителей, в которых ставилась под сомнение половая принадлежность спортсменки из-за ее низкого голоса и мускулистого телосложения. Еще до широкого освещения случая в прессе Международная ассоциация легкоатлетических федераций уже инициировала тестирования под предлогом «неоднозначности» пола участницы также из-за слишком выдающихся результатов на предварительных этапах и строения тела (Cooley, Ducus, Dworkin 2013: 39). Тем не менее, после ряда тестов спортсменка была признана женщиной, а Международная ассоциация легкоатлетических федераций выпустила документ, согласно которому женщины с диагно-

зом гиперандрогения (повышенная выработка гормонов андрогенов, считающихся «мужскими»), могут участвовать в соревнованиях на определенных условиях (Ibid: 49).

Как показал этот и другие яркие случаи в спорте, социальные представления о женщине носят комплексный характер, а при отнесении человека к тому или иному полу имеет значение ряд факторов. Категория «женщины», на наш взгляд, включает как минимум три составляющие: тело как набор признаков, интерпретируемых в рамках бинарной классификации «мужчина / женщина», пол как присвоение места в бинарной классификации и гендер как социальные ожидания соответствующего полу поведения. В настоящей статье нас, в первую очередь, будет интересовать следующий вопрос: каково место телесности и, как следствие, телесных практик, в конструировании и воспроизводстве социального представления о женщине? Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к дискуссии вокруг теоретической проблемы соотношения телесности, пола и гендера.

Как отметил британский социолог К. Шиллинг, «в настоящее время западные общества изобилия обладают знаниями и технологиями, достаточными для того, чтобы вмешаться в тело и значительным образом изменить его, и все большее число людей озаботилось своим телом как объектом незаконченным, который формируется и отчасти находит свое “завершение” в результате выбора между стилями жизни» (Shilling 2003: 174). Вместе с социальными изменениями возникло и осознание того, что телесность представляет собой не только биологический факт, но и социальный — в каждом обществе существуют телесные нормативы самопрезентации и выражения, а телесные образцы усваиваются в процессе социализации.

Женская телесность стала объектом исследования еще с момента возникновения феминизма второй волны, представителей которого волновали не только вопросы правовой дискриминации женщин, но и распространенные в культуре представления и стереотипы о «женской природе». Несмотря на то, что социология тела развивалась примерно в одно время с академическим феминизмом второй и третьей волны и гендерной теорией, наладить диалог между ними получилось не сразу в силу методологической проблемы различения тела и гендера, о которой пойдет речь чуть ниже. Однако в настоящее время «для теории гендера отношение между телом и социальной практикой является решающим вопросом» (Коннел 2000: 278), следовательно, прежде чем исследовать женскую телесность, а также интерпретировать роль телесных практик в воспроизводстве гендерных норм, необходимо прийти к некому методологическому консенсусу относительно взаимосвязи тела и гендера.

Критика классического деления «пол / гендер»

Если обратиться к классической работе Симоны де Бовуар «Второй пол», которая дала толчок развитию феминизма второй волны, то в ней отождествляемое с полом тело впервые постулировалось в качестве источника подчинения женщины, как в связи с контролем ее репродуктивной функции со стороны семьи и мужа, так и в результате осуществляемой в обществе интерпретации биологических особенностей и поверхности женского тела. В концепции де Бовуар тело предстает одним из главных элементов, определяющих место, которое женщина занимает в мире: изначально подчиненное положение женщины, ее социальная репрезентация в качестве пассивного и принимающего субъекта, не имеющего активного начала, кроется в восприятии строения половых органов и самого полового акта, поскольку тело женщины рассматривается во время коитуса как сопротивление, которое мужчина должен сломить, применив активную силу. Но делая упор на критике социальной интерпретации женской телесности, С. де Бовуар не подвергала сомнению само существование бинарной классификации полов и статичность тела. В своем письме П. Демени, вошедшем в книгу, автор подчеркивает, что «представление о женственности формируется искусственным образом с помощью обычаев и моды, оно навязывается женщине извне» (Бовуар 1997: 762), но в то же время де Бовуар отмечает, что «отказ от особенностей своего пола — тоже увечье» (Там же). Несмотря на проблематизацию взаимосвязи женского тела и его социальных интерпретаций — представлений о женственности, «Второй пол» послужил укреплению академической традиции различения тела как фиксированной данности и гендера как социального «наполнения» пола, укорененного в теле (Chambers 2007: 54).

Многие последующие феминистские теории, концентрируя внимание на гендере как социальном конструкте, обходили стороной вопросы тела и его роли в конструировании социальных представлений о женщине и фемининном. Отчасти причиной данной тенденции было то, что задачей исследователей-феминистов было подчеркнуть социальную природу гендера — однажды возникшие и в дальнейшем воспроизводимые представления о женственном и мужественном и основанные на них предписания нормативного поведения. Как подчеркивает американский историк и специалист по женским исследованиям Л. Никольсон, термин «гендер», сконцентрированный вокруг поведения и черт характера, маркируемых как фемининные или маскулинные, четко отграничивался от пола, который изначально понимался гендерными теоретиками в русле биологического детерминизма. Во-первых, такая позиция воспроизводила классические представления о делении тел на сугубо мужские и женские, во-вторых, она игнорировала, что тела также

находятся под влиянием социально-нормативных представлений о них, в том числе в категориях женственности и мужественности (Nicholson 1994: 79).

В результате, несмотря на то, что один из исходных критических постулатов академического феминизма заключался в том, что гендерная оппозиция отражает известную оппозицию тела и разума, природы и культуры, в силу чего женщина объективируется и отождествляется с телом, и, как следствие, этим в официальном дискурсе легитимируется локализация ее опыта в приватной и домашней сфере, в значительной части публикаций феминистов второй волны, по сути, завуалированно воспроизводились эссенциалистские взгляды на женщину и ее телесность.

Даже несмотря на то, что предметом феминистских исследований были и остаются такие телесно воплощенные феномены социальной жизни, как порнография, домашнее насилие, модификации тела, беременность, исследовательский интерес многих авторов был сконцентрирован на материальном аспекте опыта женщины («the materiality of experience»), а не на материальности тела как такового («the body's materiality»), которое оставалось за скобками данных теорий в качестве универсальной и фиксированной биологической данности (Howson 2005: 54).

Французский социолог и феминистка, совместно с С. де Бовуар стоявшая у истоков издания «Nouvelles questions féministes», К. Дельфи, интерпретирует пол в классических гендерных теориях в качестве *сосуда*, который заполняется гендером, — варьирующимся в зависимости от культуры *содержанием*. Согласно данной латентной позиции, пол предшествует гендеру, он первичен. Пытаясь объяснить истоки данного методологического допущения, автор выделяет две логических предпосылки, лежащих в основе него. Согласно первой, разделение труда рассматривается в гендерных теориях как следствие различий в реализации репродуктивной функции, способности к деторождению, мужских и женских тел. Согласно второй, которую автор назвала когнитивистской, деление на два пола рассматривается как следствие присущей человеку потребности в классификации явлений в процессе своего развития и познания мира (Delphy 1996: 34–35).

В качестве примера воспроизводства эссенциалистских взглядов на телесность академическим феминизмом, Л. Никольсон приводит классическую работу американского феминистского антрополога Г. Рубин «Обмен женщинами», в которой вводится понятие «система “пол / гендер”» («the sex / gender system»), определяемое как ряд конвенций, с помощью которых общество трансформирует биологический пол и сексуальность в плоды человеческой деятельности (Рубин 2000: 91). Таким

образом, в концепте «системы «пол / гендер» пол и тело используются в качестве синонимов, а телесность принимается за фиксированный биологический факт. Для описания классических теорий гендера в противовес метафорам Дельфи о сосуде и содержании, Л. Никольсон предлагает метафору «вешалки»: тело рассматривается как каркас, на который в процессе социализации навешиваются поведение и характер. В результате проводится четкое различие природы и культуры в человеке и, как следствие, тела, понимаемого как пол, и гендера (Nicholson 1994: 82).

Тем не менее, было бы неверно утверждать, что представители гендерной теории и академического феминизма не уделяли внимания телесности в ее соотношении с гендером, поскольку данная область исследования на протяжении истории отличалась множеством теоретических подходов, отчасти поскольку формировалась как область междисциплинарная. Поэтому различные концепции можно условно расположить на континууме, в зависимости от того, насколько в них учитывается влияние телесного на социальные отношения и конструирование гендера, от «слабого» социального конструкционизма, признающего влияние биологической природы на социальные отношения, до «радикального», по сути, отрицающего материальность тела путем утверждения, что любой феномен возникает в результате социальных процессов (Turner 1992: 48; Friedman 2011: 195).

Пожалуй, одним из теоретических истоков, подтолкнувших феминистов-теоретиков к переосмыслению деления «пол / гендер», выступило творческое наследие М. Фуко. Следуя за фуколдианской идеей о дисциплинарной власти и дискурсивном производстве различных социальных феноменов, в том числе телесности и пола (Фуко 1999: 199; Фуко 1996), такие исследователи, как С. Бордо (Bordo 1998), М. Гатенс (Gatens 1991), Э. Гросс (Grosz 1987), Дж. Батлер (Butler 1993; Батлер 2000; 2011) и многие другие, подвергли сомнению натурализованную концепцию пола, т. е. пола как естественного, природного феномена. При этом исследовательский фокус сместился от пола и телесности как таковой к дискурсивному аппарату производства бинарной классификации полов, в то время как связь между полом и гендером подверглась проблематизации в обратном порядке — от гендера к полу: «производство пола в качестве додискурсивного должно быть рассмотрено как следствие действия культурного механизма, обозначаемого как гендер» (Батлер 2000: 307). Теоретический поиск, таким образом, сместился преимущественно в сторону обличения отношений власти и подчинения, заложенных в культурно принятом знании о телесном как двухполом. Пол же перестал, в противовес теоретической позиции С. де Бовуар, выступать в качестве природного, телесного и внеисторического

(Chambers 2007: 57), что послужило аналитическому разделению телесности и пола: «гендер не следовало бы понимать просто как культурное наслоение значения на биологически предзаданный пол (юридическое толкование); он должен также указывать на аппарат производства, посредством которого были созданы оба пола» (Батлер 2000: 307). Однако, как уже было отмечено, степень оценки природной составляющей этих феноменов, как и их влияния на социальные отношения, различалась. И, если, например, в социологической теории С. Бордо основной фокус сделан на преодолении дихотомии «пол / гендер» как дихотомии «тело / разум» при общем признании конечной материальности телесного (Bordo 1995: 5), то философия Дж. Батлер стремится к радикальной оценке телесного как сугубо дискурсивного, лишённого материальности как таковой, а рассуждения о теле заканчиваются анализом дискурсов и языковых структур (Butler 2004: 198; Chambers 2007: 48). Соответственно, ответ на вопрос о значимости телесного в конструировании социальных представлений о женщине будет зависеть от того, какую теоретическую позицию мы примем за исходную.

Таким образом, можно констатировать, что во второй половине XX в. случился поворот к проблематизации соотношения тела, пола и гендера, при этом гендер стал отправной точкой в анализе представления о бинарной классификации полов и теле как средоточии пола. Однако разнообразие теоретических подходов не даёт однозначного ответа на вопрос о значимости телесного в конструировании гендера, а возможные ответы варьируются от признания значения биологических фактов в конструировании фактов социальных до практически полного отрицания существования природных явлений и сведения всех феноменов к дискурсивному производству. При всем различии подходов их объединяет исследовательский фокус на анализе властных отношений и стратегий натурализации пола и тела. Поэтому, чтобы ответить на поставленный ранее теоретический вопрос, необходимо обратиться к данным современных естественных наук, по сути, ответственных за производство знания человеку и его теле.

Неудовлетворительность бинарной классификации полов

Причины эссенциалистских взглядов первых феминисток и теоретиков гендера на тело и пол многие авторы призывают искать в недостатке проблематизации современной гендерной теорией науки, процесса производства научного знания о телах и роли этого знания в осуществлении социального контроля. Рассмотрение пола в качестве социального конструкта подразумевает, что представления о биологии и физиологии человека также являются социальными репрезентациями. Принятие данного утверждения отнюдь не означает, что мы анали-

тически лишаем тело его реальности, материальной воплощенности, конечных биологических черт. Оно означает лишь то, что необходимо признавать социальную природу процесса производства научных фактов о теле и поле — знание о них есть всегда социальное знание.

Так, например, по мнению американского историка Т. Лакёра, пол, в том понимании, в каком он существует в настоящий момент, был изобретен в XIX в., до этого существовала модель одного пола: женское тело проблематизировалось как «вывернутое наизнанку» тело мужское, что подтверждается изображениями анатомии тел, представленными в медицинской литературе того времени. В то же время не существовало и лингвистического разделения репродуктивных органов на мужские и женские, как и специфических наименований составных частей женской половой системы, например, яичники рассматривались как женский вариант яичек (Laqueur 1990: 96). Постепенное различие женского и мужского тела началось с поиска отличий в строении скелета, а к концу XIX в. половое различие уже затрагивало все возможные части тела, разве что за исключением глаз (Oudshoorn 1994: 7). При этом медицинский поиск не ограничился констатацией базовых различий. Ученые начали поиск того органа, который бы стал «вместилищем» «женской природы», определял бы основные черты характера и поведения, предписываемые женщинам. Таковым «вместилищем» в разное время становились матка, затем яичники, пока не была разработана модель гормонального тела — женского тела, находящегося всецело под управлением гормональных процессов, в отличие от тела мужского (Ibid: 8). При этом научные исследования и открытия были всегда в тесной связи с гендерной политикой — эксперименты с органотерапией, пересадкой мужских и женских половых органов животным с последующим наблюдением за их поведением, массовые лечения женщин с отклоняющимся поведением хирургическим удалением яичников — все это происходило на фоне движения за права женщин, трансформации гендерных ролей и постепенной ломки патриархатных устоев. В результате в научной сфере развернулась «битва» за обоснование или же опровержение старого гендерного порядка (Fausto-Sterling 2000: 151).

Проводя реконструкцию истории эндокринологии на основании различных исследований, британский специалист по гендерным исследованиям и критическому изучению науки С. Робертс отмечает, что до 1920-х гг. ученые в данной области отказывались признавать схожесть химического состава эстрогена и тестостерона, веря в то, что половые гормоны являются химическими «посыльными» маскулинности и фемининности. Переворотом стало открытие наличия «женских» и «мужских» гормонов у особей обоих полов, а также феномена, при

котором тестостерон в определенных условиях может трансформироваться в эстроген и наоборот (Roberts 2002: 14). В настоящее время гормональная терапия включает в себя лечение «мужским» тестостероном женщин во время менопаузы. В то же время эстроген оказывается необходим для развития самых различных органов у мужчин (Fausto-Sterling 2000: 147). Таким образом, постепенно было установлено, что различия между полами — всего лишь результат сравнительного количества конкретных химических элементов, что говорит о том, что пол, по сути, есть континуум между мужским и женским полюсами, но не два взаимоисключающих полюса (Roberts 2002: 14). В связи с этим А. Фаусто-Стерлинг, будучи биологом и специалистом в области гендерных исследований, на основании изучения различных форм гермафродитизма говорит о возможности различать как минимум пять полов, каждому из которых характерен отличный набор репродуктивных органов и специфика функционирования гормональной системы (Fausto-Sterling 1993: 21).

Тем не менее, современная западная культура находится во власти идеи существования всего лишь двух полов, несмотря на то, что ряд последних исследований в области физиологии и эндокринологии поставил под сомнение четкое разделение тел на мужские и женские. Фактически, как отмечает американский социолог Р. Дозиер, до сих пор определение пола основано на визуальном осмотре гениталий новорожденного; при этом биологический пол включает в себя не только их, но сочетание таких факторов, как набор хромосом, гормональный фон, наличие репродуктивных органов и специфика их функционирования (способность к деторождению) (Dozier 2005: 298). Помимо случаев очевидного гермафродитизма, зафиксированных при рождении, нередко встречаются и такие, когда один из биологических факторов определения положения человека в бинарной классификации полов «дает сбой», что наглядно демонстрируют упомянутые в начале работы примеры из спорта. Более того, поскольку медицина оперирует преимущественно идеальными типами, нередко не принимаются в расчет «отклонения» от моделей в различных странах и среди разных этнических групп — так называемые «локальные биологии», специфические для определенной местности и среды (Jonvallen 2010: 380). В частности, одной из тем для обсуждения после истории со спортсменкой Кастер Семеня стала информация о том, что среди африканок уровень тестостерона может быть выше планки, разрешенной спортивными комитетами (Бурмакова 2012). Однако, как уже было отмечено ранее, подобные случаи не часто являются предметом достояния публики, т. к. специфические тестирования на принадлежность к женщине или мужчине не являются общепринятой практикой.

Вместе с тем главный вывод, который интересен при аналитическом углублении в вопросы пола, заключается в том, что бинарная классификация полов, существующая в обществе, обладает принудительной силой по отношению к телесно воплощенным индивидам. На основании упомянутых ранее исследований становится возможным констатировать обратную связь от гендера к полу, от социальных представлений о женщине и фемининности к телесности и биологическим процессам: «в той мере, в какой гендерные нормы воспроизводятся, они активизируются и воплощаются в телесных практиках» (Батлер 2011: 25) Данный вывод вполне синонимичен фуколдианскому подходу к рассмотрению пола как нормативной категории и регулятивного идеала (Butler 1993: XI). Тело предстает «политическим объектом» (Grosz 1987: 2), интерпретируемым и конструируемым в интересах власти. Для обозначения принудительности натурализованной концепции двух полов Дж. Батлер вводит понятие «гетеросексуальная матрица» в значении «сетки культурной интеллигентности, в которой тела, гендеры и желания приобретают статус естественных» (Батлер 2000: 341). Назначением данной матрицы выступает редукция всех возможных проявлений сексуальности с одновременным закреплением за индивидом конкретного пола: идентифицируемый гендер приписывает место в бинарной классификации полов, предписывающее и нормативное сексуальное желание, — желание по отношению к человеку противоположного пола (Butler 1993: 183).

Несмотря на то, что физиология и биохимические процессы, протекающие в организме, неоднозначны, культура навязывает биполярную модель как в отношении интерпретации наукой фактов о телах, так и в отношении моделей взаимодействия и паттернов поведения, маркируемых как фемининные и маскулинные. Транссексуальность и гермафродитизм именно потому так интересны представителям гендерной теории, что они позволяют, с одной стороны, бросить вызов существующему положению вещей, а с другой, «вскрыть» принудительный характер бинарной классификации. Случаи гермафродитизма и анализ интерпретаций данных явлений в медицинской литературе показывают их медиализацию в официальном дискурсе, попытки навязать представление о невозможности достижения ни личного счастья, ни сексуального удовлетворения, принуждение к хирургическому и медикаментозному исправлению «мутаций». Однако биографии некоторых гермафродитов доказывают, что они могут жить полноценной жизнью, не ставя перед собой необходимости делать выбор, и получать удовольствие попеременно живя сексуальной жизнью то женщины, то мужчины (Fausto-Sterling 1993: 23). Исследования транссексуалов, сменивших пол с мужского на женский, доказывают, что прохождения всех меди-

цинских процедур (от приема гормональных препаратов до хирургических вмешательств) недостаточно для того, чтобы «стать женщиной», в любой момент транссексуал может испытывать страх быть принятым за транссвестита. В результате чего особое внимание уделяется манере вести себя, а также соответствию общепринятым ожиданиям по отношению к женщине (Eyre, Guzman, Donovan et al. 2004: 162). Бросая вызов полу, приписанному от рождения, многие трансженщины, при следовании стереотипам фемининности в поведении и внешнем виде после завершения трансформации, одновременно меняют свою сексуальную ориентацию с гетеросексуального мужчины на гомосексуальную трансженщину, и наоборот (Dozier 2005: 303; Hines 2006: 357–358). Такие случаи, с одной стороны, подтверждают пластичность и независимость друг от друга пола и сексуальной ориентации (в противовес тому, что диктует гетеросексуальная матрица), с другой же, противоречивы в своем смешении ненормативных элементов с элементами патриархатного представления о женщине.

Критический подход к научным исследованиям демонстрирует, как отношения власти вторгаются в производство знания о телах и конструирование различий между женщинами и мужчинами, однако его не достаточно для того, чтобы выяснить, какое значение телесность и телесные практики занимают в воспроизводстве представления о женщине здесь и сейчас. Анализ дискурсов и гендера как регулятивной нормы, предписывающей интерпретацию телесных различий, нередко уходит собственно от тела и от телесного опыта, специфического для женщин, такого, как менструация, беременность и роды. Действительно, культурная подача и интерпретация данных феноменов в обществе может быть пропущена через фильтр той или иной гендерной политики — констатация, которая, однако, не должна лишать тела конечной материальности. В то же время подобный подход к телу как к результату интерпретации биологической природы на основе гендера ведет к оценке первого в качестве пассивного объекта, иллюзии, рожденной благодаря структурам дискурса. Чтобы проследить соотношение телесности, пола и гендера, не лишая ни один из этих элементов значимости, необходимо обратиться к ситуации взаимодействия, перформативному аспекту.

Тело, пол и гендер как элементы взаимодействия

Случаи транссексуальности и гермафродитизма выявили проблему принудительной силы гендерного различия по отношению к телу — то, что не вписывается ни в одну из двух категорий, должно быть приведено в соответствие с одной из них. И поскольку деление полов не столь очевидно с точки зрения биохимических и физиологических процессов в организме, устоявшаяся бинарная схема оказывает «давление»

на телесность, вынуждая подгонять ее под стандарты женского и мужского тел. В противовес идее о том, что пол предшествует гендеру, гендер становится первичным по отношению к полу, а точнее, по отношению к дефиниции тела в категориях пола. Однако тело и телесные практики способны бросать вызов гендерным нормам в ходе взаимодействия (Батлер 2011: 25). Проследить, как телесность, будучи материально воплощенной, включается в производство знания о женщине / мужчине, возможно, если обратиться не столько к дискурсам и регулятивным нормам, но и к тому, как они воспроизводятся и конструируются в повседневном взаимодействии. Значимость такого подхода подтверждает то, что телесность представляет собой универсальный гендерный дисплей для считывания информации участниками взаимодействия (Goffman 1977: 323; Уэст, Зиммерманн 2000: 194; Здравомыслова, Темкина 2002: 10–11).

Как справедливо отмечают американские социологи С.Л. Кроули и К.Л. Бруд, перформативный подход к изучению пола и гендера в социально-конструкционистских социологических теориях был распространен задолго до появления концепции Дж. Батлер (Кроули, Бруд 2010: 15). Символический интеракционизм и этнометодология становятся релевантными социологическими перспективами для изучения роли телесности в производстве и поддержании категории «женщина», т. к. фокусируются на материальном, т. е. телесном как равноправном компоненте взаимодействия. В то же время философский подход Дж. Батлер к перформативности тесно связан с анализом языка и дискурсов, а сама перформативность трактуется в качестве цитирования (Butler 1993: XII). В результате ситуация взаимодействия и телесность исчезают из поля зрения. Для того чтобы вернуть телесность в поле социологического анализа и ответить на вопрос о ее месте в поддержании социальных представлений о женщине, будет релевантным обратиться к классической социально-конструктивистской концепции К. Уэст и Д. Циммерман.

Телесность как материальность не существует вне восприятия — она постоянно подвергается интерпретации и классификации, если говорить о поле, то в рамках бинарной системы. В межличностном взаимодействии содержится как потенциал для воспроизводства гендера, так и вызовы доминирующим гендерным стандартам. Препятствием для такого вызова может стать гендерный конфликт и «подстройка» говорящего под ожидание слушающего с целью представить себя в лучшем свете. Будучи основанной на отмеченных ранее социологических традициях, концепция К. Уэст и Д. Циммерман не обходит вниманием обратное влияние гендера на поведение. Говоря о возникновении гендерного конфликта в ряде ситуаций взаимодействия (в частности, когда поведе-

ние, а то и положение, роль, исполняемая женщиной, не соответствует фемининному паттерну), авторы отмечают, что для его разрешения осуществляется замещение вносящего «помехи» в гендерное различие исполнения другим исполнением, соответствующим фемининным образцам действия. По сути, это явление говорит о принудительности коррекции поведения, когда принадлежность к одному из полюсов оказывается под сомнением. Подобная ситуация характерна и для транс-сексуалов, желающих быть всецело воспринимаемыми в качестве женщины, — перед ними стоит задача скорректировать не только свои внешние характеристики, в том числе и тело, но и поведение. Для того чтобы объяснить отношения между полом и гендером, К. Уэст и Д. Циммерман предложили аналитически различать пол, категорию пола и гендер. В данной трактовке пол предстает как презумпция определенности, основанная на классификации людей в соответствии с бинарной системой. Одновременно категория пола отсылает к ситуации его приписывания как на основании биологических критериев пола, так и на основании социально фиксированных дисплеев — средств его выражения и проявления. Гендер же становится эмерджентной характеристикой, образцом организации поведения в конкретных ситуациях взаимодействия в соответствии со стереотипами, приписываемыми тому или иному полу (Уэст, Зиммерманн 2000: 195).

Однако в работе К. Уэст и Д. Циммерман недостаточно внимания уделено проблеме того, как гендерное различие влияет не только на взаимодействие, но и на практики самопрезентации и «преподнесения» телесности в категориях бинарной классификации полов. Если авторская теория фокусирует внимание на создании гендера в ситуациях взаимодействия, в первую очередь лицом-к-лицу, то в контексте обозначенной ранее темы фокус закономерно переносится на вопрос, каким образом поверхность тела включается в «создание гендера», и, как следствие, возможно ли «создание гендера» путем его закрепления на поверхности тела.

В качестве исходного постулата примем, что отношения «гендер / пол / тело» характеризуются не односторонней связью (от пола к гендеру или от гендера к полу), а отношением взаимообмена значений и символов. Однако тогда понятие тела представляется шире понятий пола и гендера. Тело и его физиологические и биохимические процессы представляют собой спектр, континуум для интерпретаций, задаваемых культурой. В результате социальных интерпретаций происходит категоризация тела по отношению к полу — в условиях бинарной классификации приписывание телу мужского или женского пола. А уже категоризации по полу соответствует социально конструируемое гендерное различие.

Таким образом, телесное воплощение, с одной стороны, выступает ресурсом поддержания представлений о женщине, с другой, социальные представления о женском, фемининном, выступая неким нормативом, накладывают отпечаток на преподнесение тела. Случай с Кастер Семеня продемонстрировал, как в совокупности несоответствие внешности, тела и поведения (спортивные достижения) стереотипизированным ожиданиям публики стало источником сомнения в половой принадлежности спортсменки.

В таком контексте особую значимость приобретают телесные практики, модификации и работа над телом, поскольку они становятся одним из источников закрепления гендера на поверхности тела, что демонстрируют и случаи транссексуализма. Ситуация взаимообмена и обратной связи означает, что гендерное различие через категоризацию по полу обладает принудительной силой по отношению к телу. Любые «помехи», гендерный конфликт, на всех уровнях взаимосвязи «гендер / пол / тело» требуют их устранения. Практики работы над телом, таким образом, могут стать ответом на возникающие «помехи». В таком случае становится возможным рассматривать их как способы вписывания гендера («engendering») в тело.

Данная теоретическая позиция, основывающаяся на признании высокой роли телесности в конструировании категории «женщина», может служить объяснению гендерных различий в практиках работы над телом и гендерной асимметрии обращения к новейшим технологиям вмешательства в тело*. Одной из возможных интерпретаций растущего числа обращений женщин, приученных культурой объективировать себя и определять себя в категориях тела, к косметической хирургии, становится гендерный конфликт, а телесные практики выступают способом его разрешения, закрепления гендера на поверхности тела, приведение себя в соответствие с культурными представлениями о женственности и красоте. Меняющиеся социальные позиции женщины, ее вхождение в публичную сферу, в которой установлены маскулинные

* Статистика различных международных ассоциаций пластических хирургов подтверждает ежегодный рост количества пластических операций и косметических процедур (ISAPS International Survey... 2010; ISAPS International Survey... 2011), причем, по данным Американской ассоциации пластических хирургов (ASPS), представляющим гендерную картину, из всех выполненных в США процедур 91 % пришелся на женщин. Гендерная асимметрия проявляется не только в числе процедур, но и в их специфике — наиболее часто проводимая операция среди женщин (да и в целом, как можно наблюдать на данных ISAPS, среди всех операций в силу гендерного перевеса потребителей этого вида услуг) — увеличение груди.

образцы взаимодействия, порождают конфликт между представлением о фемининных образцах поведения, женственности (укорененной в теле), и практикой деятельности. Современный мир бросает множество вызовов гендерной идентичности, среди которых — гендерная лиминальность, т. е. размывание границ между мужской и женской сферами деятельности, способами общения, моделями сексуальности, телесными практиками. С одной стороны, конфликт ведет к стремлению достичь определенности путем закрепления приписываемой гендерной идентичности в теле, с другой стороны, современные технологии предоставляют возможность полной смены пола и, как следствие, предписываемого гендера, путем преобразования телесности. Таким образом, гендер превращается из аскриптивной роли в роль, достигаемую путем систематической работы на телом.

Резюмируем сказанное. В ряде классических гендерных теорий, наследовавших биологический детерминизм предшествовавших концепций в отношении тела, не принимались во внимание искусственность и неоднозначность деления полов на два, как и влияние культуры на интерпретацию, репрезентацию и модификацию тел. В противовес исходному постулату о первичности пола (определяемого синонимично телу) по отношению к гендеру, в конце XX в. было предложено принять обратную схему взаимосвязи пола и гендера, согласно которой второй первичен по отношению к первому. В такой интерпретации гендерные нормы подкрепляются стратегией натурализации различий по полу. Современные работы в области эндокринологии, физиологии и биохимии тела показали, что пол следует представлять в виде континуума между двумя полюсами, но не как два взаимоисключающих полюса. Оказалось, что распространенная в современной западной культуре вера в два пола есть результат культурных интерпретаций, но не фактических биологических процессов и физиологического развития организма. На основании данных исследований становится возможным пересмотреть связь между гендером и полом не как одностороннюю (пол-гендер или гендер-пол), но как двустороннюю, постоянный символический взаимообмен. Используя понятие гендерного конфликта, возникающего во взаимодействиях лицом-к-лицу, возможно проанализировать высокий уровень вовлеченности женщин в телесные практики в качестве способа устранения рассогласованности между телом, категорией пола и гендером в условиях современной лиминальности.

Таким образом, возвращаясь к изначальному теоретическому вопросу, можем констатировать, что телесность играет существенную роль в конструировании социальных представлений о женщине в двух аспектах. Во-первых, в результате интерпретации тела и биологических про-

цессов проводится культурное различие по полу в соответствии с бинарной классификацией. При этом данное различие укоренено в текущей гендерной политике, в результате чего научное знание может становиться источником легитимации не только существующего неравенства между мужчиной и женщиной, но и «пресечения» любых отклонений от бинарной классификации полов. Во-вторых, управление телом, как и телесные практики, могут выступать способом закрепления гендера на поверхности тела, но и обладают потенциалом сопротивления гендерным нормам.

Литература

Батлер Дж. Гендерное беспокойство // Антология гендерной теории / под ред. Е. Гаповой. Минск: ПроPILEI, 2000. С. 297–346.

Батлер Дж. Гендерное регулирование // Неприкосновенный запас. 2011. 2 (76). С. 11–29.

Бовуар С. де. Второй пол. Т. 1 и 2: Пер. с франц. / Общ. ред. и вступ. ст. С.Г. Айвазовой, коммент. М.В. Аристовой. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997.

Бурмакова О. Самый простой способ быть олимпийским атлетом — это не быть при этом женщиной. Обзор американских феминистских блогов // Неприкосновенный запас. 2012. 5 (85). [<http://www.nlobooks.ru/node/2814>].

Здравомыслова Е., Темкина А. Социальное конструирование гендера как методология феминистского исследования. 2002. [<http://ecsocman.hse.ru/text/19169912>].

Коннелл Р. Современные подходы // Хрестоматия феминистских текстов: Переводы / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 251–280.

Кроули С.Л., Брод К.Л. Конструирование пола и сексуальностей // Гендерные исследования. 2010. № 20–21. С. 12–50.

Пулькинен Т. О перформативной теории пола. Проблематизация категории пола Юдит Батлер // Герменевтика и деконструкция / Под ред. Штегмайера В., Франка Х., Маркова Б.В. СПб.: СПбГУ, 1999. С. 167–181.

Рубин Г. Обмен женщинами: заметки о «политической экономии» пола // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 89–139.

Уэст К., Зиммерманн Д. Создание гендера // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 193–218.

Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. М.: Касталь, 1996.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: «Ad Marginem», 1999.

ASPS Quick Facts // Plastic Surgery Statistics Report 2011 [http://www.plasticsurgery.org/Documents/news-resources/statistics/2011-statistics/2011_Stats_Quick_Facts.pdf].

Bordo S. Unbearable weight: Feminism, Western Culture, and the Body. University of California Press, Ltd. 1995.

- Bordo S.* Bringing body to theory // *Body and Flesh: A Philosophical Reader*. Oxford: Blackwell, 1998. Pp. 84–97.
- Butler J.* *Bodies That Matter. On the discursive limits of “sex”*. New York and London: Routledge, 1993.
- Butler J.* *Undoing Gender*. New York and London: Routledge, 2004.
- Chambers S.A.* «Sex» and the Problem of the Body: Reconstructing Judith Butler’s Theory of Sex/Gender // *Body & Society*. 2007. 13. Pp. 47–75.
- Cooky C., Dycus R., Dworkin S.L.* «What Makes a Woman a Woman?» Versus «Our First Lady of Sport»: A Comparative Analysis of the United States and the South African Media Coverage of Caster Semenya // *Journal of Sport and Social Issues*. 2013. 37 (1). Pp. 31–56.
- Delphy C.* Rethinking Sex and Gender // *Sex in Question: French materialist feminism* / Ed. by Diana Leonard and Lisa Adkins. London, Bristol: Taylor & Francis, 1996. Pp. 31–42.
- Dozier R.* Beards, breasts, and bodies: Doing sex in a gendered world // *Gender & Society*. 2005. 19. (3). Pp. 297–316.
- Eyre S.L., Guzman R., Donovan A.A., Boissiere C.* «Hormones is not magic wands» Ethnography of a transgender scene in Oakland, California // *Ethnography*. 2004. 5. (2). Pp. 147–172.
- Fausto-Sterling A.* *Myths of gender: biological theories about women and men*. New York: Basic Books, 1992.
- Fausto-Sterling A.* The Five Sexes: Why Male and Female Are Not Enough // *The Sciences*. 1993. March/April. Pp. 20–24.
- Fausto-Sterling A.* *Sexing the body: gender politics and the construction of sexuality*. New York: Basic Books, 2000.
- Friedman A.* Toward a Sociology of Perception: Sight, Sex, and Gender // *Cultural Sociology*. 2011. 5 (2). Pp. 187–206.
- Gatens M.* A critique of the sex/gender distinction // *A Reader in Feminist Knowledge*. London: Routledge. 1991. Pp. 139–157.
- Goffman E.* The Arrangement between the Sexes // *Theory and Society*. 1977. 4 (3). Pp. 301–331.
- Grosz E.* Notes Towards a Corporeal Feminism // *Australian Feminist Studies*. 1987. 2. (5). Pp. 1–16.
- Heggie V.* Testing sex and gender in sports; reinventing, reimagining and reconstructing histories // *Endeavour*. 2010. 34. (4). Pp. 157–163.
- Hines S.* *Intimate Transitions: Transgender Practices of Partnering and Parenting* // *Sociology*. 2006. 40. (2). Pp. 353–371.
- Howson A.* *Embodying gender*. London: Sage Publications Ltd, 2005.
- ISAPS International Survey on Aesthetic/Cosmetic Procedures Performed in 2010* // [<http://www.isaps.org/files/html-content/Downloads/ISAPS%20Results%20-%20Procedures%20in%202010.pdf>].
- ISAPS International Survey on Aesthetic/Cosmetic Procedures Performed in 2011* // [<http://www.isaps.org/files/html-content/Downloads/ISAPS%20Results%20-%20Procedures%20in%202011.pdf>].
- Jonvallen P.* Sex differentiation and body fat: Local biologies and gender transgressions // *European Journal of Women’s Studies*. 2010. 17. (4). Pp. 379–391.
- Laqueur T.* *Making Sex: Body and Gender From the Greeks to Freud*. Cambridge: Harvard University Press, 1990.
- Nicholson L.* Interpreting gender // *Signs*. 1994. 20. (1). Pp. 79–105.

Oudshoorn N. Beyond the Natural Body: An Archaeology of Sex Hormones. London: Routledge, 1994.

Roberts C. A matter of embodied fact: sex hormones and the history of bodies // Feminist Theory. 2002. 3. (1). Pp. 7–26.

Roberts C. Messengers of Sex. Hormones, Biomedicine and Feminism. Cambridge University Press, 2007.

Shilling C. The Body and Social Theory. Second edition. London: Sage Publications, 2003.

Turner B.S. Regulating bodies. Essays in medical sociology. New York and London: Routledge, 1992.

Vannini A., Fornssler B. Girl, Interrupted: Interpreting Semenya's Body, Gender Verification Testing, and Public Discourse // Cultural Studies Critical Methodologies. 2011. 11 (3). Pp. 243–257.

Wackwitz L.A. Verifying the myth: Olympic sex testing and the category «woman» // Women's Studies International Forum. 2003. 26. (6). Pp. 553–560.

Wittig M. The category of sex // Sex in Question: French materialist feminism / Ed. by Diana Leonard and Lisa Adkins. London, Bristol: Taylor & Francis, 1996. Pp. 25–30.

Witz A. Whose Body Matters? Feminist Sociology and the Corporeal Turn in Sociology and Feminism // Body & Society. 2000. 6. (2). Pp. 1–24.